

АВТОНОМНОЕ ТОЛКОВАНИЕ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ЗАЩИТЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

В статье дается общая характеристика защиты права собственности Европейским судом по правам человека. Раскрывается понятие «автономное толкование». Описывается содержание понятия «собственность».

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; автономное толкование; право собственности; законное ожидание.

В Федеральном законе от 30 марта 1998 г. «О ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» указано, что «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов» [5]. К Европейской конвенции о защите прав человека и основ от 1950 г. (далее — Конвенции) принят ряд Протоколов, как дополняющих, так и изменяющих ее.

Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции регламентирует защиту права собственности: «Каждое физическое и юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества, на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему предоставляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов» [3].

Таким образом, статья 1 Протокола № 1 гарантирует всем физическим и юридическим лицам, находящимся под юрисдикцией одного из государств — участников Конвенции указанного Протокола, право на «уважение своей собственности». Существует два официальных текста Конвенции: на английском и французском языках, и два варианта перевода на русский язык данной статьи, которые, в свою очередь, имеют различия.

В первоначальном, официально опубликованном в 1998 г. переводе говорилось о праве каждого «беспрепятственно пользоваться своим имуществом» (тяготеет к английскому тексту Конвенции — «peaceful enjoyment of his possessions»).

В 2001 г. в новой редакции был опубликован официальный перевод Конвенции и Протоколов к ней, где приведенное выше словосочетание заменено

---

* Яковлева Софья Петровна — магистрант, кафедра гражданского права и процесса, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, sofia.iakovleva@gmail.com.

словами о праве «на уважение своей собственности» (ближе к французскому тексту Конвенции — «respect des biens»).

По-разному переводится и объект права: в первом случае говорится об «имуществе», во втором — о «собственности».

Наличие в русском варианте Конвенции формулировки («защита собственности») не соответствует в полной мере прецедентной практике Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). И можно сделать ложный вывод о том, что ЕСПЧ существенно сужает круг имущества, которое подпадает под его сферу, т.е. защите подлежит только то имущество, которое находится у лица на праве собственности. Однако обнаруживается иная картина при обращении к прецедентной практике ЕСПЧ. По этой причине смысл и содержание понятия «имущество» («собственность») нужно устанавливать исходя из того, как оно трактуется ЕСПЧ.

Так, в одном из первых, касающихся рассматриваемой темы постановлении по делу «Маркс против Бельгии» сказано, что «право любого лица на беспрепятственное пользование своим имуществом по своей сути является гарантией права собственности. Право распоряжаться своим имуществом является обычным и основополагающим аспектом права собственности» [1].

Как было отмечено ЕСПЧ в решении по делу «Газус Дозье унд Фердертекик ГмбХ против Нидерландов», «...понятие собственности Протокола № 1 имеет автономное значение, которое не ограничивается правом собственности, содержащееся в статье 1 Протокола на физические вещи; некоторые другие права и выгоды, являющиеся имуществом, могут быть также признаны правом собственности и, следовательно, как собственностью для целей указанного положения» [2].

Целесообразно дать определение понятию «автономное толкование». Под автономным толкованием понимается деятельность ЕСПЧ при толковании норм Конвенции, в результате которого создаются автономные правовые понятия, содержание которых не всегда совпадает с аналогичными правовыми понятиями, закрепленными в законодательствах стран — участниц Конвенции.

Первичный анализ приведенных положений и обращение к прецедентному праву ЕСПЧ позволяют сделать вывод о том, что в практике суда собственность определяется как «любое законное право» или «объект, способный иметь ценность». В данной деятельности, как правило, ЕСПЧ отдает прерогативу собственным правовым стандартам и сформулированным автономным понятиям, перед законодательством и правоприменительной практикой государств — участников ЕКЧП. Рациональным будет рассмотрение объема права собственности в толковании ЕСПЧ.

Отметим, что понятия «собственность» в европейской системе основано на ценностной, а не на вещной концепции права собственности.

Итак, для ЕСПЧ характерен ценностный подход к понятию права собственности. К признакам, характеризующим данный подход, можно отнести следующие: распространение институтов права собственности и способов защиты этого права на целый спектр экономических интересов, в том числе движимое и недвижимое имущество, материальные, нематериальные интересы.

В практике ЕСПЧ понятие «собственность» получило широкое толкова-

ние, круг объектов права собственности не имеет четких границ. ЕСПЧ, в частности, признал, что гарантии статьи 1 Протокола № 1 распространяются и на такие специфические компоненты собственности, как суммы, присужденные окончательным и обязательным судебным или арбитражным решением [2, с. 62].

Как указывает профессор Т.Н. Нешатаева, к собственности с точки зрения ЕСПЧ при толковании норм Конвенции можно также отнести: права на акции, клиентуру, преимущественное право аренды недвижимости, будущий доход, лицензии для осуществления деятельности [4]. Также перечень можно дополнить требованием имущественного характера, если оно достаточно определено, чтобы быть исполненным в принудительном порядке [7, с. 88].

Законное ожидание наступления определенных обстоятельств было признано имуществом в деле «Компания «Пайн Велли Девелопментс Лимитед» и другие против Ирландии». Компания «Пайн Велли Девелопментс Лимитед» заявляла, что ее право на собственность было нарушено в результате принятия судебного решения, которым было признано, что план земельной застройки участка, приобретенного этой компанией, был принят с превышением полномочий и, следовательно, является недействительным.

ЕСПЧ посчитал, что компания могла правомерно ожидать, что она могла осуществить застройку в соответствии с планом, признанным впоследствии недействительным. Выделенное ожидание должно считаться компонентом (элементом) права собственности на землю для целей статьи 1 Протокола № 1. В итоге ЕСПЧ признал нарушение статьи 1 Протокола № 1 [6].

Иными словами, у лица имеются основания — «законное ожидание» обоснованно полагать получение какой-либо имущественной выгоды (*pecuniary interest*), имущественного актива (*pecuniary asset*).

Обычно «законное ожидание» представляет собой наличие у лица оснований полагать, что имеющееся у него имущественное право будет впоследствии реализовано. «Законное ожидание» получения имущественной выгоды, актива может основываться на заключенном договоре, выданном разрешении (лицензии), нормативном или ненормативном акте, предоставляющем имущественные права, а также на вступившем в силу судебном решении.

Если имущественные выгоды (права) частного лица основаны на договоре, заключенном с органом власти, разрешении, лицензии, нормативном или ненормативном акте, который либо признан недействительным по причинам, не зависящим от частного лица, либо отменен, признан недействующим с приданием обратной силы, то это и есть нарушение «законного ожидания», гарантированного статьей 1 Протокола № 1.

ЕСПЧ считает, что государство несет ответственность за действия его органов власти, в результате которых ожидания частных лиц на получение какой-либо имущественной выгоды были обмануты.

Отметим в данной связи важное обстоятельство: особенность законного ожидания заключается в том, что оно может основываться на правовом основании, которое существовало в прошлом, затем было признано судом недействительным.

Несмотря на широту объема права собственности, разнообразие его объектов в прецедентной практике ЕСПЧ, право собственности само по себе не

считается абсолютным. ЕСПЧ, рассматривая заявление о нарушении права собственности, сначала устанавливает: выступает ли тот или иной объект или право собственностью, защищаемой Конвенцией, после чего выясняет, было ли нарушено право собственности истца, основываясь на факте выполнения или невыполнения государством своих обязательств согласно содержанию норм о собственности.

В деле «Спорронг и Лоннрот против Швеции» ЕСПЧ приходит к интересному выводу о том, что статья 1 Протокола № 1 структурно включает три правила [1]:

1) первое правило является основополагающим, оно содержит принцип беспрепятственного пользования;

2) второе правило затрагивает вопрос лишения собственности;

3) третье правило признает, что государства — участники Конвенции имеют право контролировать использование собственности в соответствии с общими интересами, обеспечивая выполнение таких законов, которые они считают необходимыми для этой цели.

В этом же постановлении ЕСПЧ указал, что прежде чем рассматривать вопрос о том, была ли соблюдена первая норма первого основного правила, необходимо установить возможность применения двух следующих правил. Как видно, выделенные правила взаимосвязаны: второе и третье представляют собой формы вмешательства в беспрепятственное пользование собственностью.

Итак, первый критерий для квалификации в качестве имущества с точки зрения ЕСПЧ — это присутствие экономической ценности, которая может быть определена в денежной форме. Вторым критерий — реальность, т.е. имущество должно существовать в наличии, действительно принадлежать лицу, которое заявляет о нарушении прав.

Таким образом, для того чтобы подпадать под сферу защиты Конвенции, собственность, права в отношении которой предположительно нарушены, не обязательно должна признаваться собственностью или имуществом национальным законодательством.

ЕСПЧ было отмечено, что «...понятие «собственности», предусмотренное в части первой статьи 1, имеет автономное значение, которое не сводится к праву собственности на физические вещи и которое не зависит от формальных квалификаций по внутреннему праву: некоторые другие права и выгоды, образующие имущество, — например, права требования — могут быть также рассмотрены как «права собственности» и, таким образом, как «собственность» для указанного положения» [1, с. 969].

Освещенный подход (автономное толкование) позволяет говорить об унифицированном международно-правовом регулировании отношений собственности, которое сложилось в практике ЕСПЧ.

В качестве вывода отметим: понимание института права собственности в российском гражданском праве имеет много общих черт с его толкованием в прецедентной практике ЕСПЧ. Но имеются и качественные различия, вызванные в основном расхождением в подходах к пониманию права собственности. Российский подход основан на вещной концепции права собственности, кото-

рый является более узким по сравнению с ценностной концепцией, принятой за основу при автономном толковании норм Конвенции ЕСПЧ.

Однако именно рассмотренное автономное толкование ЕСПЧ приводит к унификации правоприменительной практики и возможности защиты прав и интересов лиц из стран, принадлежащих к различным правовым системам.

Рассмотренный подход имеет под собой реальные основания с учетом многообразия общественных отношений на современном этапе развития.

Автономное толкование позволяет обеспечить гибкость правового регулирования, возможность быстрого реагирования на изменения в структуре общества: появления новых видов имущественных отношений, возникновение новых продуктов деятельности человека в сфере интеллектуальной деятельности.

Возможность расширения российской концепции права собственности через имплементацию международных стандартов его регулирования видится излишней, поскольку существенный компонент дальнейшего развития института права собственности на национальном уровне заключается в отыскании уже имеющихся в доктрине правовых конструкций с целью описания и понимания применяемых ЕСПЧ правовых понятий (например, законное ожидание). Обозначенный подход позволяет задействовать отечественный научный потенциал правовой мысли, что косвенно, но будет являться фактором совершенствования российской правовой системы в целом.

Список использованной литературы

1. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. Де Сальвиа. — СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2004. — 1072 с.

2. Европейский суд по правам человека: Избранные решения : в 2 т. / под ред. В.А. Туманова. — М. : НОРМА, 2000. — Т. 2. — 808 с.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. (с изм. от 13.05.2004 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

4. Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт / Т.Н. Нешатаева. — М. : Городец, 2007. — 320 с.

5. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней : федер. закон от 30.03.1998 г. № 54 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 14. — Ст. 1514.

6. Пайн Велли Девелопментс Лимитед и другие против Ирландии [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ от 29.11.1991 г. — Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/rus/pages/search.aspx?i=00157816> (дата обращения: 01.04.2014).

7. Петрушко против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 24.02.2005 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2005. — № 9.